

Андрей ГАНИН
доктор исторических наук

«СЧИТАЮ ПАВЛУНОВСКОГО ЧЕЛОВЕКОМ ПСИХИЧЕСКИ НЕУСТОЙЧИВЫМ...»*

Лев Троцкий против Особого отдела ВЧК

Л.Д. Троцкий на митинге, посвященном похоронам жертв взрыва в Леонтьевском переулке. 1919 г.

Деятельность военных специалистов в Красной армии периода Гражданской войны неразрывно связана с репрессиями в их отношении и не всегда оправданной подозрительностью. Осуществлявшая значительную часть арестов военная контрразведка с 1919 года оказалась выведена из военного ведомства и подчинена ВЧК. Председатель Реввоенсовета Республики (РВСР) Лев Троцкий, инициировавший политику массового привлечения в новую армию бывших офицеров, порой был вынужден выступать в качестве рьяного защитника арестованных. Тем более что часть арестов даже сами большевики воспринимали с явным недоумением. Один из таких случаев произошел летом 1919 г. и повлек серьезные преобразования в Особом отделе ВЧК.

СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК И КРАСНЫЙ КАЗАК

Адам Яковлевич Семашко (1889–1937) происходил из польско-немецкой семьи¹. К большевикам он примкнул еще в сентябре 1907 г. В Первую мировую стал прапорщиком. Несмотря на молодость, ко времени Гражданской вой-

ны он уже считался старым большевиком. После большевистского переворота находился на партийной работе в войсках: был комиссаром Главного штаба, Орловского военного округа, членом Реввоенсовета (РВС) Северного и Западного фронтов, а затем 12-й армии, оборонявшей Киев. Именно в 12-й армии Се-

машко встретил начальника штаба армии Г.Я. Кутырева, с которым затем на короткий срок разделил арестантскую участь. Служба Семашко, несмотря на определенный партийный иммунитет, протекала не безоблачно. Так, в начале 1919 г. Семашко с видными военспецами Д.Н. Надежным и Н.Н. Доможировым был предан суду Реввоентрибунала по обвинению в передаче совершенно секретных сведений в незашифрованном виде².

Службу в старой армии донской казак, выпускник Новочеркасского казачьего училища и ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии Гаври-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914-1922 гг.)».

ил Яковлевич Кутырев (1887-й), закончил подъясаулом. Наряду с другими курсовиками своего выпуска он проявлял недюжинную общественную активность. В 1917 г. состоял членом комитета офицеров старшего класса курсов³. 22 марта 1918 г. вместе с однокурсниками был причислен к Генштабу⁴, а 27 июня 1918 г. приказом по Всероссийскому главному штабу переведен в Генеральный штаб⁵.

Первоначально Кутыреву достался пост начальника отделения штаба военного руководителя Московского района⁶. Затем вместе с некоторыми товарищами по выпуску он оказался в оперативном отделе (Опероде) наркомата по военным делам, где с 1 августа 1918 г. занимал должность консультанта отделения связи⁷. Руководивший Оперодом С.И. Аралов вспоминал: «Вспоминаю также генштабистов выпуска 1917 года тт. Моденова, Кутырева, Доможирова. Они составляли сводки, проверяли выполнение оперативных и организационных заданий, подготавливали проекты решений»⁸.

В октябре 1918 г. Кутырев перешел на службу в разведывательное отделение⁹. С ноября военную разведку сосредоточили в Регистрационном управлении (Региструп) Полевого штаба РВСР. Там молодой военспец возглавил агентурное отделение¹⁰, а после ареста в начале 1919 г. своего однокашника по академии Г.И. Теодори стал вр.и.д. консультанта управления¹¹. Так донской казачий офицер оказался одним из основоположников советской военной агентурной разведки. Впрочем, спокойно работать ему не давали. Как отмечалось в резолюции на докладе начальнику 1-го отдела Региструпра от 19 февраля 1919 г. о состоянии агентурной разведки: «Картина безотрадная. Вызвана полнейшей изоляцией от работы лиц, даже пользующихся доверием (Теодори, Срывагин, Кутырев и т.д.)»¹².

Кутырев был среди трех уполномоченных однокурсниками ходатаев, которые обратились в конце апреля 1919 г. к руководителю советской военной контрразведки — председателю Особого отдела ВЧК М.С. Кедрову для ознакомления с делом их арестованного товарища Г.И. Теодори¹³. Возможно, эта деятельность и привела к аресту Кутырева. Характерно, что летом 1919 г. были арестованы все три ходатая. У Кутырева имелось и еще одно «прегрешение» перед властью — ранее он среди прочих ходатайствовал об освобождении из-под ареста бывшего генерала В.И. Селивачева, подозревавшегося в связях с белым подпольем¹⁴.

«РЯД ПРОИЗВОЛЬНЫХ АРЕСТОВ»

В июне 1919 г. Кутырева направили на Украину вместе с бывшим генералом Н.Г. Семеновым, назначенным командующим 12-й армией. При Семенове Кутырев занял должность начальника штаба.

Вскоре председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский потребовал арестовать Кутырева и Семашко. Началась переписка, растянувшаяся на три недели. Троцкий 25 июля направил своему заместителю Э.М. Складанскому для ЦК заявление, что, «принимая во внимание ряд произвольных арестов, считаю возможным осуществление этих арестов, которые внесут жестокую дезорганизацию, только по прямому постановлению Ц.К.»¹⁵. Тем не менее, Семашко и Кутырев были арестованы. Арест якобы был вызван хорошими взаимоотношениями Семашко и военспецов¹⁶. Известно, что Семашко требовал подчинения 7-й армии Западному фронту, но это вряд ли можно было вменить в вину.

Арест произошел вопреки договоренности председателя СНК Украинской ССР (УССР) Х.Г. Раковского и председателя Всеукраинской ЧК М.Я. Лациса, вопреки требованию Троцкого и без санкции ЦК РКП(б)¹⁷. Украинское руководство не скрывало своего возмущения. Налицо было и нарушение действовавших нормативных актов — членов РВС нельзя было арестовывать без согласия РВСР.

1 августа 1919 г. Раковский отмечал дезорганизацию работы чекистов и просил председателя СНК В.И. Ленина подтвердить их действия, так как Кутырев

Н.Г. Семенов

производил впечатление скромного работника¹⁸. По всей видимости, ответа не последовало, и 4 августа Раковский повторил запрос¹⁹.

Запросы Троцкого и Раковского о причинах ареста Семашко и Кутырева некоторое время игнорировались. 6 августа председатель РВСР телеграфировал своему заместителю Э.М. Складанскому из Киева: «Член Реввоенсовета Семашко и на[чальник] шта[ба] 12 [армии] Кутырев арестованы и отправлены 5 августа в Москву. Несмотря на мои и Раковского запросы, Цема никаких пояснений относительно ареста Семашко не получил. Настоятельно прошу проверить основательность ареста Семашко и Кутырева»²⁰. В тот же день во-

Г.И. Теодори под арестом.

прос об аресте Кутырева обсуждался без Троцкого на заседании Политбюро ЦК РКП(б), причем постановили запросить И.П. Павлуновского из Особого отдела ВЧК²¹.

9 августа Раковский сообщал Троцкому из Киева в Конотоп шифротелеграммой: «Время колебаний прошло, и я обязуюсь выжать из советских и партийных аппаратов все. Военные руководители здесь не на высоте. Изъятие из Реввоенсовета Кутырева, Фека (?)²², Семашко, которые каждый в своей области работали хорошо, первые два очень хорошо, дезорганизовало аппарат. Подвойский, уезжая [в] Москву, забрал с собой всех хороших генштабистов. От реввоенсовета отправился с группой политработников [В.П.] Затонский, но с задачей он не справился и пошлем [в] подкрепление другого. Обещанные подкрепления из центра патронами окажут свое воздействие, если будут присланы своевременно»²³.

Необоснованные аресты разрушали военную работу. 6 августа Троцкий сообщил Склянскому и Ленину, что после устранения Семашко РВС 12-й армии ослаб, туда срочно требовался опытный и твердый работник вроде М.М. Лашевича²⁴. В военном отношении на 8 августа также экстренно требовался и новый начальник штаба взамен арестованного Кутырева²⁵. 11 августа главком С.С. Каменев предложил назначить начальника штаба 3-й армии М.И. Алафузо «как опытного и твердого»²⁶. А Троцкий в тот же день вновь запрашивал ЦК о причинах ареста, но ответа опять не получил²⁷.

КОНТРАТАКА ТРОЦКОГО

Доверие Троцкого к Особому отделу ВЧК было подорвано массовыми произвольными арестами военспецов по делу Полевого штаба РВСР в июле 1919 г. Такие меры вредили укреплению армии и лишь служили инструментом устранения назначенцев Троцкого по политическим причинам.

14 августа председатель РВСР перешел в контратаку — он выступил против руководства Особого отдела в лице заместителя его председателя И.П. Павлуновского и телеграфировал Склянскому: «Считаю Павлуновского человеком психически неустойчивым. Выдавать ему заслуженных работников на основании его подозрений невозможно. Если Особому отделу придается значение, нужно поставить во главе его ответственное лицо, внушающее доверие к способности разобратся в деле и в людях»²⁸.

Телеграмма развивала аналогичное сообщение Троцкого от 9 июля по пря-

Ф.Э. Дзержинский и чекисты.

мому проводу Склянскому о председателе Особого отдела М.С. Кедрове: «Кедров, прибыв на Юж[ный] фронт, стал арестовывать военнослужащих не только без согласия, но и без предварительного уведомления Юж[ного] фронта. Причем успел совершить ряд совершенно бессмысленных дезорганизаторских шагов. Арестованные им будут освобождаться реввоенсоветом фронта и мною. Предлагаю немедленно отозвать Кедрова. В случае дальнейших его дезорганизаторских действий буду вынужден выселить его из пределов Юж[ного] фронта»²⁹.

Августовский прецедент с арестом не только военспец-генштабиста, но и старого большевика, члена РВС армии, причем без санкции РВСР, был использован Троцким для более решительного противодействия волюнтаризму Особого отдела. Троцкий привел конкретные примеры произвола чекистов. С этой точки зрения рассматривалось предписание арестовать командира 1-й бригады 9-й стрелковой дивизии 13-й армии военспец В.Л. Афонского. Этот военачальник в 1918 г. вместе с А.И. Геккером подавлял Ярославское восстание, за боевые заслуги в 6-й армии был награжден орденом Красного Знамени, бригада Афонского считалась лучшей в 13-й армии. И хотя супруга Афонского весной 1919 г. якобы отправила офицера к Деникину³⁰, видные политработники — секретарь ЦК КП(б) Украины С.В. Косиор, член РВС 13-й армии Г.Л. Пятаков — считали обвинения фантастическими.

В середине августа объяснение особистов было получено. Речь шла о тянувшемся несколько месяцев расследовании дела Западного фронта. Ма-

териалов у следствия было достаточно, но не для ареста. Когда в июле в Москву приезжал заместитель Лациса, ему были переданы все материалы для разбирательства на месте силами Всеукраинской ЧК. Планировали действовать деликатно — допросить фигурантов без ареста. В вопрос были посвящены видные партийные работники С.И. Гусев и К.Х. Данишевский. Однако неожиданный арест и доставка арестованных в Москву сорвали эти планы³¹. Арестован был и делопроизводитель штаба армии Рогозин.

В результате вмешательства председателя РВСР оба арестанта вышли на свободу 13 августа 1919 г. без предъявления обвинений³². Склянский выяснял вопрос о возможности для недавних арестантов вернуться в 12-ю армию, куда они просились. При невозможности этого Семашко мог быть назначен в управление по формированию Южного фронта. 15 августа через ЦК Троцкий просил передать им слова сочувствия: «Уважаемые товарищи Семашко и Кутырев. Выражаю крайнее сожаление по поводу учиненного над Вами безобразия. Арест был совершен вопреки прямому моему воспрещению и является следствием злой воли и бессмысленной путаницы. С товарищеским приветом Троцкий»³³. В Киев Кутырев и Семашко приехали только накануне занятия города белыми³⁴, произошедшего 31 августа 1919 г. На прежние должности недавние арестанты не вернулись.

Наступление Троцкого на особистов принесло плоды. На заседании Политбюро 16 августа вопрос снова обсуждался. Скупые строки протокола свидетельствуют: «Заслушав телеграм-

му т. Троцкого о Павлуновском, Ц.К. находит, что никаких данных для присоединения к мнению т. Троцкого нет»³⁵. В отношении комбрига Афонского, как сообщалось, имелись весьма серьезные обвинения³⁶. Партийное руководство поддержало особистов, не позволив отсутствовавшему Троцкому провести свои предложения.

Но игнорировать проблему было невозможно, и определенные кадровые перестановки в руководстве Особого отдела ВЧК произошли. М.С. Кедров был смещен с поста председателя Особого отдела, который с 18 августа по решению Оргбюро ЦК РКП(б) лично возглавил Ф.Э. Дзержинский. Фактическое же руководство работой особистов ввиду загруженности Дзержинского осуществлял все тот же Павлуновский³⁷. Еще одной уступкой военному ведомству в контексте последствий громких летних арестов в армии стало принятое на заседании Оргбюро ЦК 29 августа 1919 г. решение ввести в состав коллегии Особого отдела ВЧК представителя военного ведомства, назначаемого РВСР с правом делать в РВСР доклады. Впрочем, кандидатуру такого представителя должны были утвердить сами чекисты³⁸.

Через перебежчика известия об арестах в штабе 12-й армии просочились к белым и в преувеличенном виде были использованы в пропагандистских целях: «Недавно арестован весь штаб 12 армии с капитаном Ген. штаба Хушоревым (Кутыревым. — А.Г.) во главе по подозрению в измене Красной армии. Хушорев отвезен в Москву»³⁹.

СУДЬБЫ ФИГУРАНТОВ

После освобождения Кутырев продолжил службу. Начальством учитывалось его казачье происхождение, из-за чего военспеца долгое время не назначали на Южный фронт против казаков. В разговоре с товарищем по службе осенью 1919 г. Кутырев заметил по поводу возможной службы на юге: «Сия комбинация меня совершенно не устраивает и по очень серьезным мотивам — не могу же я драться на Южном фронте против дядюшек и тетушек и тому подобное. Это было, видимо, учтено высшим командованием, почему есть такое распоряжение главкома, прошу вас, если возможно, отправить меня на Восточный фронт, хотя бы уборщиком, не назначать в 14-ую армию»⁴⁰.

Работал он с большим перенапряжением и сообщал товарищу: «Мотивы, заставляющие уйти с такого высокого поста, — такое страшное переутомление, мне приходится по ночам спать под

наркозом»⁴¹. В итоге военспец попал на Восточный фронт, оказавшись в сентябре 1919 г. в распоряжении начальника штаба 5-й армии, где и проходила его служба вплоть до весны 1920 г. С декабря 1919 г. по начало 1920 г. он был и.д. начальника штаба 5-й армии, в январе 1920 г. стал начальником оперативного управления штаба армии⁴², а с 25 марта по ноябрь 1920 г. занимал пост военрука Приуральского военного округа. Там же военкомом округа с сентября 1919-го служил его старый знакомый А.Я. Семашко. С 30 ноября 1920 г. по 28 июня 1921 г. Кутырев значился начальником штаба войск Донской области, причем временно исполнял обязанности командующего. Затем состоял в распоряжении начальника штаба Отдельной Кавказской армии, а последняя известная его должность — начальник штаба Батумского укрепрайона с 25 августа 1921 г. На этой должности он значился и в 1923 г. Далее следы военспеца теряются.

Семашко впоследствии перешел на дипломатическую службу и стал советским поверенным в делах в Латвии. В 1923 г., разочаровавшись в большевиках, он уехал в Бразилию, оказавшись одним из первых советских невозвращенцев. Однако к 1927 г. обывательская жизнь ему наскучила — революционер решил вернуться в СССР. Несмотря на полученные гарантии, на границе он был арестован и, отсидев десять лет на Соловках (причем в знак протеста неоднократно объявлял голодовку), был расстрелян в Карелии. Через три дня после казни Семашко в Москве расстреляли чекиста Павлуновского. По возрасту Кутырев, Семашко и Павлуновский были примерно ровесниками, на момент событий в 1919-м им было от 29 до 32 лет. Революция была уделом молодых.

История беспрецедентного ареста старого большевика, члена РВС армии Семашко и военспеца-генштабиста Кутырева интересна. Самым активным защитником арестованных оказался Лев Троцкий. Будучи прагматиком, он прекрасно понимал, что необоснованные аресты преданных людей, высокопоставленных военных и партийных работников недопустимы. Вмешательство Троцкого привело к освобождению арестантов и к некоторым уступкам партийного руководства военным: кадровым перестановкам в руководстве Особого отдела ВЧК и введению в состав коллегии Особого отдела представителя военного ведомства. Впрочем, уступки были осуществлены не в том формате, на который рассчитывал вождь Красной армии.

- ¹ Подробнее см.: Генис В.Л. А.Я. Семашко, «возвращенец» из Бразилии // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 109–117; Он же. Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933). Кн. 1. «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920–1929). М., 2009. С. 62–74.
- ² РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 76. Л. 3.
- ³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 149.
- ⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 115. Л. 50об.
- ⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 142.
- ⁶ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 28об.
- ⁷ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 7.
- ⁸ Аралов С.И. Ленин вел нас к победе. Воспоминания. М., 1989. С. 38.
- ⁹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 148.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 76об.
- ¹¹ Там же. Л. 268.
- ¹² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 194.
- ¹³ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 40–64, 380–414, 748–752.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 218.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 254.
- ¹⁶ Там же. Л. 302, 305.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 147.
- ¹⁸ Там же. Л. 135.
- ¹⁹ Там же. Л. 141.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 21. Л. 88.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 49. Л. 1об.
- ²² Так в документе.
- ²³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л. 888.
- ²⁴ The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. 1917–1919. L. — Hague — P., 1964. P. 638.
- ²⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л. 889.
- ²⁶ Там же. Л. 910.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 147.
- ²⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 318; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 146.
- ²⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 239.
- ³⁰ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л. 951.
- ³¹ Там же. Л. 949–949об.
- ³² Там же. Л. 949об.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 153.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 8. Л. 78.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 51. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Л. 2.
- ³⁷ Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 171, 176.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 7. Л. 55.
- ³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 394–394об.
- ⁴¹ Там же. Л. 394об.
- ⁴² РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 84.